

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ МАРО НАЗАРБЕК

Легендарная революционерка Маро Назарбек (1864—1941)—одна из основателей в 1887 г. первой армянской социал-демократической партии «Гипчак», названной в честь знаменитого герценовского «Колокола». Будучи вынужденной эмигрировать из России за антиправительственную деятельность, она прошла свои «революционные университеты» под идейным влиянием известных деятелей международного и российского революционного движения Ф. Лассалья, П. Лафарга, Г. В. Плеханова и многих других.

Вместе со своим мужем—известным революционером и общественным деятелем Аветисом Назарбеком—Маро Назарбек перевела и впервые издала в 1894 г. на армянском языке «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Она принимала самое активное участие в работах по изданию на армянском языке целого ряда трудов теоретиков западноевропейского и российского социал-демократического движения. В 1895 г., во время похорон Ф. Энгельса, она вместе с А. Назарбеком возложила на могилу венок с надписью «От Армении».

М. Назарбек приняла руководящее участие в организации армянского национально-освободительного движения в Османской империи.

В Центральном государственном архиве документов общественных и политических организаций Армении хранятся два варианта «Автобиографии М. Назарбек» (ф. 4045, оп. 2, д. 31, л. 1—30). Написанные в 1924 и 1925 годах, они незначительно отличаются друг от друга. Публикуемая ниже «Автобиография» подписана автором в январе 1925 г. В нее частично включены небольшие отрывки из варианта, написанного в 1924 г.

«Автобиография» М. Назарбек в какой-то степени приближается к жанру воспоминаний и, естественно, носит на себе печать времени, что в свою очередь повлияло и на характеристику отдельных лиц и политических партий, данных автором.

В тексте «Автобиографии» нами сделаны лишь отдельные незначительные стилистические правки и сокращения.

Ю. В. МРАВЯН

АВТОБИОГРАФИЯ

МАРИИ ИВАНОВНЫ НАЗАРБЕК (МАРО), УРОЖДЕННОЙ
ВАРТАНОВОЙ

Родилась я в г. Тифлисе в 1864 г. в мещанской семье, однако с юношеских лет была окружена интеллигентной средой братьев-студентов и подруг.

В 17 лет окончила Тифлисскую 1-ю женскую гимназию. Общественными вопросами стала интересоваться с гимназических лет, принимая активное участие в ученическом кружке, где мы изучали Писарева, Добролюбова, Чернышевского и др. По окончании гимназии один год учительствовала в Тифлисе в армянской церковно-приходской школе. Затем, вопреки воле моего старшего брата, доктора А. Вартанова, враждебно относившегося к моим стремлениям к общественной работе и самостоятельности, я поехала в Петербург на Высшие женские курсы¹ (естественный факультет). На курсах я пробыла четыре года. В Петербурге я попала под влияние народолюбцев, которые вели пропаганду среди учащейся молодежи и вербовали сочувствующих среди курсисток. Они снабжали наш кружок литературой, которую мы распространяли среди студентов и размножали на гектографе. Последнее происходило часто на моей квартире.

В 1885 г., за четыре месяца до окончания курсов, я вынуждена была бросить учение и эмигрировать за границу, так как полиция взяла меня, и вообще наш кружок под подозрение и хотела меня арестовать, о чем я была предупреждена директрисой курсов Н. Стасовой. Приехав в Париж, я сразу попала в эмигрантскую среду, еще более левую, чем народолюбцы, была близка к кружку Лаврова и находилась под его влиянием.

Здесь я горячо увлекалась новой обстановкой и средой и окончательно нашла свое призвание в революционной деятельности.

В Париже я осталась около года, а затем поехала в Женеву, где поступила в университет и где позже вышла замуж за Аветиса Назарбека².

В Швейцарии эмигрантов и революционеров было еще больше, чем в Париже. В то время там работала группа «Освобождение Труда» Плеханова, Засулич, Аксельрода, Дейча и др. Издавался журнал «Социал-демократ»³, устраивались рефераты, лекции, собрания. Одним словом, революционная работа кипела и увлекала всех нас. Здесь же я познакомилась с Раковским, с которым мы часто встречались.

Атмосфера стала еще интереснее и оживленнее, когда позже приехали Ленин и Мартов.

В это время из Турецкой Армении доходили до нас крики отчаяния о репрессиях и ужасах, творимых там. И вот мы с мужем и несколькими студентами из разных городов Франции и Швейцарии — Рубеном Ханазадяном⁴, Саркисом Агамаряном и Габриелом Кафиевым⁵ — задались целью организовать революционную партию, которая, с одной стороны, сплотила бы армянские массы для защиты своих интересов как в Турции, так и в России и Персии, с другой стороны, приобщила бы армянский народ к распространявшемуся тогда во всем мире социалистическому движению.

Первым нашим шагом было опубликование на гектографе воззвания «К братьям и сестрам», находящимся под гнетом турецкого ига.

В нем мы призывали организационно-революционным путем бороться против деспота-султана и султанского режима. В то время мы были очень близки с Плехановым, который интересовался нашими начинаниями и давал нам ряд теоретических и практических советов по организации молодой партии. Прежде всего мы взялись за издательство армянской революционной социал-демократической газеты, назвав ее «Гнчак»⁶ («Колокол»), под впечатлением герценского «Колокола».

На мои с мужем личные средства мы выписали из Вены шрифт и 25 ноября 1887 г. выпустили первый номер «Гнчака». Первый номер набрал Навасардян, а впоследствии нашим наборщиком был студент Евгений Вацадзе (ныне находящийся в Тифлисе). Будучи грузином, он, не зная языка, изучил армянские буквы и прекрасно набирал [газету] в течение трех лет. Приходилось и мне набирать, корректировать, писать. Касса для набора стояла у нас в квартире, за занавеской на кухне, и мы тщательно скрывали место и даже город издательства. В газете мы давали другие адреса, города и имена, как-то: «Цюрих, М. Даниель», «Монпелье-Бониар» и др.

Так, маскируя вначале нашу малочисленность, мы с первого же номера произвели сенсацию и колоссальное впечатление, как на армянское студенчество и общество, так и на султанское правительство, а также в России.

Отовсюду стали откликаться революционные силы, в городах и деревнях образовывались ячейки. Присылались делегаты, ходоки, отдельные, воодушевленные идеей, товарищи.

Партия крепла и росла, а султан дрожал и негодовал.

Пропаганда и организация велись нами также среди турок и курдов. Писались воззвания на этих языках, образовывались кружки, хотя и с большим трудом и риском. В некоторых местах наша работа велась довольно успешно.

С целью быть ближе к центрам нашей деятельности—к Турции и России—мы в 1892 г. переехали в Афины. В частности, в самой Греции в это время было много рабочих-армян, среди которых мы вели пропаганду. Помню, мне часто приходилось ездить с товарищами на постройку большого Коринфского канала⁷, где мы организовали революционные кружки среди рабочих-армян.

В Афинах у нас была вообще интенсивная работа. Созывались съезды, благодаря притоку новых сил связь с местами росла.

Так как за нашей работой зорко следило турецкое правительство и русские шпионы, мы должны были прибегать к всевозможным ухищрениям. Часто наши товарищи везли письма и литературу в выдолбленной палке, и, таким образом, привозили ответ из отдаленных уголков Турции, а также с Кавказа. Нередко литература и оружие привозились в бочках, в осях телег и т. д. Товарищи наши при этом проявляли беспримерное геройство и стойкость. Многие погибли от рук турецких палачей. Один из наших самоотверженных товарищей Барсег Закарян (студент Петербургского университета) был пойман и убит в то время, когда он пролезал в дымоходную трубу, спасаясь от преследований.

В Афинах у нас была типография. «Гнчак» издавался большим тиражом.

В 1889 г. (возвращаясь несколько назад), когда мы еще были в Женеве, в Константинополе была проведена известная историческая манифестация в Гум-Гапу⁸, организованная нами из Центра.

В результате много товарищей были убиты, многие—арестованы. Главным организатором [манифестации] был товарищ Джангулян, который шел во главе шествия и овладел вниманием толпы. Тут были и турки и курды. Он начал говорить так: «Сгоревший под солнцем и облитый потом трудовой народ Турции больше не может терпеть того голода и бесправия, которые создают беки, шейхи и чиновники султана. Трудовой народ—армяне, курды и турки—вы не должны больше

терпеть произвола. Вы должны протестовать и требовать общих реформ. Чаша терпения переполнена. Или смерть или свобода.

Впечатление было грандиозное.

Затем толпа хлынула в здание Патриархата. Джангулян снял со стены портрет султана и растоптал его.

Отсюда толпа двинулась ко дворцу султана. По дороге произошла стычка с войском, в результате которой были жертвы с обеих сторон. Много было также арестованных, в том числе и Джангулян, который был приговорен к смертной казни.

Однако, благодаря вмешательству держав, приговор не был приведен в исполнение, и Джангуляна заточили «на 101 год» в крепости Сен Жан д'Акр (Аккиа) в Сирии—самую суровую и мрачную тюрьму тогдашней Турции. Вот этому-то Джангуляну Центр решил устроить побег. Выполнить это задание было поручено мне.

Осенью 1894 г. под видом русской туристки в сопровождении одного товарища я выехала из Афин, выбрав окольный путь через Египет, где у меня был ряд партийных дел организационного характера. По дороге в Бейрут моего спутника арестовали. Я думала, что напали на [наш] след, но оказалось, что он, придя с явкой к товарищу, попал случайно в руки полиции. Я осталась одна.

Не желая покидать товарища, который был предан суду и мог быть повешен, я осталась на некоторое время в Бейруте и, благодаря созданным мною связям и хитростям, мне удалось спасти его. Но продолжать путь он уже не мог. Дальнейшее путешествие мне пришлось совершить одной. Среди арабов и турок, среди тысячи опасностей, боясь навлечь на себя подозрения я сначала скрывалась в Дамаске у известного тогда либерала Камсаракана. Из Дамаска я поехала в Киликию. Там, в Александретте, я организовала ряд собраний и, найдя искренних товарищей, основала ячейку, которая, между прочим, получила название «ячейки Маро», сыгравшей видную роль в будущем Зейтунском восстании¹⁰.

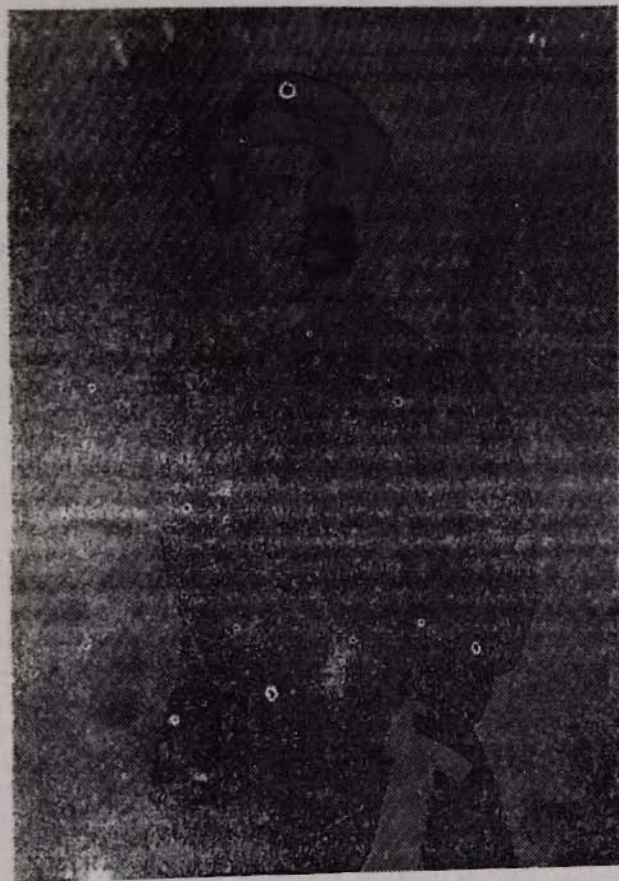
Из Александретты, преодолевая тысячи препятствий, я, наконец, добралась до желанной цели, до Аккии, до крепости, где сидели Джангулян и другие товарищи. Благодаря тому, что у меня было рекомендательное письмо к местному русскому консулу (он был араб-христианин), мне нетрудно было усыпить его бдительность.

Под видом благотворительницы я сумела проникнуть в крепость, якобы для раздачи одежды и денег заключенным. Таким образом я связалась с товарищами, передала им одежду, деньги, напильники, план побега. Ловко разыгранная роль русской филантропки, а также соответствующая мзда тюремщикам, дали мне возможность в течение целой недели посещать заключенных товарищей и выяснить во всех деталях ряд волновавших нас вопросов. Однако товарищи из тюрьмы, а также араб, в семье которого я жила, скоро сообщили мне, что за мной следят (араба вызывали на допрос). Таким образом я узнала, что султанскому правительству стало известно о моем приезде в Турцию и дано распоряжение арестовать меня.

Положение мое сильно изменилось. Оставаться уже было невозможно, надо было немедленно бежать из Аккии. Переодевшись в арабский костюм, с закрытым лицом, я бежала в Кайфу, откуда через бедуинские степи в Самаритен, где я встретила случайно с доктором Иоффе, знакомым мне по Женеве студентом, оказавшим мне там помощь. Наконец, добравшись чудесным образом до Яффы, я направились в Иерусалим, где имела свидание с видным партийным

товарищем—епископом Езииком, заточенным в монастырь за революционную деятельность.

Мои труды, сопряженные с огромным риском, путешествие в необычных условиях по чуждым странам, обманы, хитрости, уловки, вечная опасность провала—все это, конечно, не прошло даром. Само собой разумеется, что моя поездка имела моральное значение для всей армянской общественности и для заключенных, которые годами томились в ужасных условиях. «Как попали Вы сюда, дорогая Маро,—сказал мне Джангулян,— когда птичка не может проникнуть к пам?!». Кроме Джангуляна на территории крепости, но не в тюрьме, были также другие партийные товарищи, с которыми я, конечно, также виделась*.

Всем им я оставила деньги, костюмы, был выработан план побега, но тут я вынуждена была бежать из крепости в арабском костюме, ибо, как я сказала, напали на мой след (женщина с закрытым лицом в Турции неприкосновенна).

В 1909 г. Джангулян в Константинополе издал книгу о своей жизни и посвятил мне и моей поездке в Аккию одну главу.

* Между ними—Миринян и Тонапетян.

Оттуда я через Египет вернулась в Афины к товарищам и к детям, счастливая и гордая тем, что выполнила столь опасное партийное поручение, испытав на деле свои силы и революционную волю.

Турецкое правительство было крайне взбудоражено нашей деятельностью, тем более, что как раз в это время мы перевозили в Турцию оружие и литературу. Оно стало требовать и домогаться у греческого правительства нашей высылки из пределов Греции, мотивируя тем, что мы анархисты. Наконец греческое правительство уступило и мы были вынуждены покинуть Грецию.

Сначала мы думали устроиться во Франции и остановились в Марселе, но французское правительство воспретило нам жить в пределах Франции и мы двинулись в самую свободную тогда из европейских стран—в Англию, откуда нам, кстати, было удобнее руководить работой наших организаций в Америке, где к тому времени уже насчитывалось свыше трех тысяч членов партии.

Здесь не только не препятствовали нашей деятельности, но, напротив, всячески поощряли ее, очевидно имея на то свои политические расчеты. Прежде всего общественное мнение Англии было всецело на нашей стороне. Часто в либеральных газетах появлялись статьи, как лично о нас—обо мне и муже—так и о деятельности нашей партии, помещались интервью с нами и т. д.

В Лондоне деятельность партии расширилась и достигла своего расцвета. Прежде всего расширилась наша издательская деятельность. Кроме «Гичака» [мы] также [начали издавать] научный журнал «Гахапар»¹¹ (Идея), юмористический ежемесячник «Аптак»¹² («Пощечина»), а также ряд брошюр, как-то: переводы Маркса, Энгельса, Лафарга, Плеханова, Дикштейна¹³ и т. д. Лично мною был переведен «Коммунистический Манифест» и ряд статей для «Гахапара».

Организация как в Турции, так и в России крепла и ширилась. Кавказский пролетариат и передовые слои [населения] входили в нашу организацию. Ряд террористических актов как в Турции, так и на Кавказе укрепил нашу позицию и наш авторитет. С Кавказа, из Петербурга к нам стали приезжать студенты, молодежь, которых мы посылали на места.

Наша партия первая в армянской действительности выдвинула и пропагандировала идеи социализма, теорию Маркса и конечную цель—социальную революцию*.

Эти идеи временами, под влиянием исторических, бытовых и политических событий, теряли свою чистоту, и партии, особенно на местах, часто приходилось уклоняться в сторону национальную. К сожалению, в настоящее время многие товарищи, забывая, что мы первые посеяли семена социализма среди отсталых по духу армян, и что первые армяне-коммунисты учились у нас, и многие были членами нашей партии, подчеркивают именно националистические моменты нашей деятельности. Они не учитывают того, что бытие армян в те времена определялось главным образом, именно этими моментами, определялось политикой турецкого правительства, резней,

* В нашей программе (изд. 1897 г.) был следующий пункт: «Чтоб достичь своей политической цели, рабочий класс во всех странах должен объединяться в сознательную политическую партию и, пользуясь находящимися в его распоряжении всеми общественными и политическими средствами, стремиться провести коммунистическую социалистическую революцию».

гонениями и пр. и что национальное освободительное движение против султанского деспотизма было прогрессивным явлением.

Однако тревога султана росла по мере того, как росло наше влияние на массы, и он решил тем или иным азиатским способом нас уничтожить. Так, однажды к нам в Лондон заявился один американец (насколько помнится корреспондент «Нью-Йорк геральда»), предлагая нам от имени султана громадную сумму денег, чтобы мы закрыли «Гнчак» и перестали вести пропаганду в Турции.

Когда это не удалось, правительство султана задумало подействовать на нас через известного сионистского деятеля Герцля¹⁴. Последний побывал в Турции, виделся, как он рассказывал, лично с султаном. Он говорил о еврейском вопросе, и султан обещал ему большие льготы в Палестине, если ему удастся прекратить деятельность партии «Гнчак».

Теодор Герцль был у нас два раза, обещал нам от имени султана льготы для армян, но, само собой разумеется, мы, как революционеры и марксисты, хорошо понимали неприемлемость для революционной партии такого компромисса, а также и то, что султан надует и нас и их.

Наконец, после этих неудачных попыток, коварный султан прибег к последнему средству—[попытке] отравить меня и мужа. С этой целью он прислал к нам в центр одного армянина, который под видом члена партии вошел в наш дом. Но его намерение было случайно открыто. Не удалось султану и это.

В Лондоне, само собой разумеется, мы были очень близки с русской эмиграцией, которая горячо сочувствовала нашей работе. Кропоткин, Чайковский, Засулич, Серебряков, Дионео и многие другие были нашими ближайшими друзьями*.

Наиболее близким моим другом был Степняк (С. Кравчинский). Он был увлечен нашей работой вообще, моей поездкой в Аккию—в особенности. Мы вместе с ним начали писать на английском языке воспоминания о моей поездке в Турцию и в Аккию, за которую он возносил меня до небес, говоря, что русская революционерка гордилась бы таким подвигом. Его трагическая смерть прервала нашу работу и только несколько глав этих воспоминаний появились в английском журнале.

Кравчинский-Степняк был близок к нашей работе; увлекался нашей обстановкой, пропагандировал наше дело среди англичан и даже с увлечением согласился принять участие в поездке в Киликию для организации восстания. Этот план, ввиду некоторых обстоятельств и перемены политической обстановки, не осуществился. Кроме личной дружбы с эмигрантами, нас связывало также и то обстоятельство, что мы временами перевозили нелегальную литературу в Россию вместе с нашей.

В 1900 г. работа на местах, вследствие жестоких репрессий султанского правительства, все более и более затруднялась. В Центре, как это всегда бывает в эпоху реакции, провалов и неудач, усилились разногласия, интриги и споры. Работа замирала. Мы с мужем решили временно переехать в Париж и там заново начать нашу работу.

* Привожу выдержку из письма т. Дейча: «Я прекрасно знаю Марию Ивановну Назарбек: в течение многих лет она была одной из наиболее деятельных, энергичных работниц в рядах нашей социал-демократической партии, работала сперва за границей, а затем на Кавказе, где судилась в 1911 г. Осуждена была на каторгу, замененную ей ссылкой».

В это время в Париже было много русской молодежи, политических деятелей, эмигрантов, с которыми мы встречались часто.

Я пробыла в Париже по 1903 г. К этому времени относится раскол в партии социал-демократов, страстные споры большевиков и меньшевиков и начало большевизма.

В это время я стала мечтать о возвращении в Россию. Я разошлась с мужем, осталась с двумя малолетними детьми, которых я хотела воспитать в России, в русском духе.

Однако въезд в пределы России был рискованным, меня могли арестовать и многие близкие товарищи горячо отговаривали меня от такого шага. По их совету я приобрела персидский паспорт.

В страшном волнении, передав детям деньги и адрес брата—профессора А. Бартанова, чтобы они дали ему телеграмму в случае моего ареста, я переехала границу.

В Петербурге я жила у брата, пользовавшегося большим авторитетом и политически вполне благонадежного, а потом, убедившись, что мне не грозит опасность, переехала на собственную квартиру.

Пробыла я в Петербурге всего год, но за это время успела завязать связи с социал-демократами. В Демидовом переулке у меня на квартире устраивались тайные собрания. Одно время я хранила у себя оружие, бомбы, тогда же у меня жила бывшая тогда курсистка т. Нушик Заварьян.

В 1904—начале 1905 гг., вследствие болезни, я переехала в Тифлис. Тут я встретила с товарищами-гнчакистами и опять втянулась в работу.

Хотя за все последующие годы я неоднократно отходила от работы (как вследствие болезни, так и по принципиальным соображениям), но каждый раз кончалось тем, что ко мне приходили товарищи, иногда целые делегации и вновь втягивали меня в работу.

Во время армяно-татарской резни я вела энергичную борьбу и пропаганду среди армянской массы, чтобы они не поддавались гнусной провокации, созданной правительством.

Это было в 1905 г.

Дел было много, все партии зашевелились, требовались работники, деньги, организаторы. По мере сил я принимала участие во всех этих видах деятельности. Так работала я с нашими гнчакистами, но все более и более тяготилась атмосферой, царившей в их среде и глубже чувствовала грань, которая отделяла меня от них.

В 1906 г. в Тифлисе был созван III-й Кавказский съезд партии «Гнчак», на который я была избрана делегаткой от трех городов.

Почему я не ушла тогда же от них? Почему я не ушла позже, когда расхождение еще больше обострилось? На это есть много психологических причин: старые связи, чувство долга и солидарности перед товарищами, перед партией, которую я создала, симпатии ко мне гнчакистских масс и, наконец, арест, который неожиданно и надолго вырвал меня из Кавказа.

Во все те годы я параллельно с моей работой с гнчакистами вела и другую работу, совместно с социал-демократами—большевиками—Р. Катаняном, Тирацянном, Ашотом Чилингаровым и др.

Вместе с этими товарищами мы задумали издать пять марксистских книг. Первой книгой была «Политическая экономия» Богданова, на армянском языке, которую мы издали на собранные по копейке деньги. К этому изданию Богданов прислал нам специальное предисловие.

Мы также вместе, иногда я одна, оказывали помощь передачей и хлопотами заключенным социал-демократам, большевикам, в

частности Саше Гегечкори, когда он был арестован в Боржоме, и многим другим. Когда же наш товарищ Мосес Малхазян был приговорен к смертной казни, я буквально перевернула весь город и спасла от рук палачей, несмотря на то, что приговор был уже подтвержден генерал-губернатором. Смертная казнь была заменена 10 годами каторги.

В апреле 1910 г. я была арестована. В тюрьме ко мне была послана известная тогда провокаторша Поля, которая постаралась сблизиться со мной и, будучи затем выпущена на свободу, взяла от меня письмо к моей дочери. Она затем бывала у нас, следила за собиравшимися там товарищами, узнала секрет пересылки записок заключенным товарищам (пересылка записок на папиросной бумаге, вшитых в рубчик салфетки, в которой нам приносили передачу) и таким образом, передавала жандармам все наши тайны. Во время революции Поля была убита в Одессе как провокаторша.

Просидев 9 месяцев в губернской тюрьме, я была выпущена под залог 5.000 рублей, который внес за меня инженер Алибеков. Позже Алибеков предложил мне бежать за границу, так как адвокаты пугали меня и считали дело серьезным. Но я отказалась. Я предпочитала сидеть в тюрьме, перенести каторгу, чем быть вечной изгнанницей в эмиграции. В тюрьме мне предъявили обвинительный акт. Я привлекалась по 102 статье Уголовного Уложения. В сентябре 1911 г. было назначено к слушанию дело в Военно-окружном суде (город был на военном положении). Защитником был Кузьмин-Караваев, член Государственной думы, специально приехавший защищать меня. Он был страшно удручен суровым приговором и очень расстроился, а я его утешала, чем вызвала с его стороны удивление моему «мужеству». Я была приговорена к 6-ти годам каторги, замененной ссылкой на поселение.

В январе 1912 г. меня привезли в Красноярск. По дороге я заболела и находилась при смерти. Дочь, сопровождавшая меня (мне по случаю болезни разрешили ехать за свой счет из Тифлиса, но зато в сопровождении жандарма, тюремного надзирателя и пристава), сама также была больна, поэтому ехать в Минусинск было нельзя, ибо он отставал от железной дороги на 500 верст. Это было в январе месяце. Губернатор согласился оставить меня временно в Рыбинске, только с условием, чтобы я содержала там на свой счет стражника, который жил в одной квартире со мной и следил за каждым моим шагом. С открытием навигации меня перевезли в Минусинск, где я пробыла до 1915 года.

За все время ссылки я была как-то на виду у администрации: меня преследовали, придирались ко мне, часто вызывали на допросы к исправнику, устраивали обыски и т. д. Один раз в Минусинск приехал прокурор из Красноярска в сопровождении известного в свое время жандармского полковника из Баку (фамилии не помню) для допроса, в целях установления моей связи с бакинскими рабочими. Дело это возникло ввиду обнаружения моих писем у бакинских забастовщиков.

Но главным образом, эти репрессии объяснялись тем, что в Минусинске я объединила вокруг себя ссыльных, старалась вдохнуть в них бодрость и веру в торжество нашего дела, устроила из своей квартиры побег товарища Чудновского и т. п. В общем мое поведение в Минусинске не могло не обращать на себя внимания администрации, результатом чего явились ежедневные посещения меня стражниками, которым вменено было в обязанность давать обо мне ежедневные сведения. Там же, что является небывалым случаем в истории

ссылки, ко мне в течение двух лет был приставлен специальный шпион для слежки и надзора.

Между прочим я узнала, что репрессии в ссылке отчасти объяснялись тем, что за мной следовала очень неблагоприятная информация из Тифлиса: донос начальника тюрьмы Рымкевича о том, будто по дороге товарищи готовили мне побег.

В 1915 г. я получила от товарищей предложение устроить через члена Государственной думы М. И. Пападжанова, имевшего связи у наместника Кавказского, освобождение и даже возвращение на Кавказ. Но, так как для этого надо было подавать прошение и ходатайствовать, я отказалась от этой «милости» и телеграфно послала отказ.

В 1915 г. мне разрешили по болезни ехать в Красноярск.

В это время война была в разгаре. Замечалась какая-то ослабленность полицейского режима. Нам, ссыльным, жилось несколько свободнее. Не было тех обысков, слежек, назойливого приставания полицейских, которые так одолевали и тяготили меня в Минусинске.

Здесь, в Красноярске, нас собралась тесная кампания по преимуществу большевиков: Баграт, шури́н Плеханова, который был позже расстрелян в Сибири колча́йцами, Белопо́льский, Чекасинов и много других. Мы вели регулярную работу среди местных рабочих, получали и читали вслух нелегальную литературу, которую привозила моя дочь, приезжая каждое лето ко мне.

Особенное внимание мы обратили на военнопленных, живущих в «Городке». Среди них были социал-демократы, немцы, австрийцы, сознательные передовые рабочие, с которыми мы завязали тесную связь.

В это время в Красноярске образовался беженский комитет для оказания помощи беженцам западных губерний. Я состояла членом Правления этого комитета. Таким образом у меня была возможность доставать паспорта, которыми я, по мере возможности, снабжала наших товарищей-пленных. Так бежало из русского плена немало наших товарищей. Некоторые из них (армяне, воевавшие на турецкой стороне) сейчас на Кавказе.

Но игра была чрезвычайно опасной. Хотя до этих наших действий полиция не докопалась, но нас взяли под подозрение. В это время связь граждан с военнопленными губернатором была запрещена. Мы, однако, с этим не считались и со мной случилось следующее. Как-то у меня собрались три пленных товарища социал-демократа для обсуждения вопроса о побеге. По доносу хозяйки вдруг нагрянула полиция. На столе была карта. Товарищей увели под конвоем, у меня же произвели строжайший обыск и арестовали. Жандармы угрожали предъявлением обвинения в государственной измене, грозившей смертной казнью.

Немедленно полетели телеграммы и письма к дочери в Петроград. Для посылки телеграмм один товарищ (не ссыльный) Е. Басилая ездил за три станции от Красноярска. Дочь усиленно стала хлопотать, имела свидание с Иркутским генерал-губернатором Князевым, случайно приехавшим в это время в Петроград. После усиленных хлопот меня выпустили на поруки, а дело мое отправили в Иркутск на разрешение генерал-губернатора Князева. Он оставил дело без последствий.

Но местная администрация всячески старалась от меня избавиться. По-видимому, она кстати вспомнила, что давно еще, приблизительно через пять месяцев после моего прибытия в ссылку, моя

дочь через главного прокурора выхлопотала мне высылку за границу как иностранной подданной. Я не пожелала воспользоваться этой «милостью», которой моя дочь добилась без моего желания, ведома и согласия (об этом факте у меня есть документальные доказательства). Кроме того через месяц или два кончался срок моей ссылки (с амнистиями) и я должна была быть приписана в «крестьянское сословие». По закону же иностранные подданные (персидско-подданная) могут быть высланы «на родину» вместо приписки к крестьянству. Все это вместе побудило администрацию выслать меня из пределов России.

Итак я была арестована без объяснения причин и через три дня под стражей препровождена на шведскую границу. В Петрограде я заболела острым колитом, пролежала в больнице под надзором полиции. После выздоровления, в сопровождении полицейского чина была доставлена до границы. Таким образом, в конце 1916 г. судьба занесла меня в Норвегию.

Через пять месяцев разразилась Февральская революция, открылся свободный въезд в Россию. Я вернулась, как эмигрантка, с так называемым «эмигрантским паспортом». Приехала сначала в Петроград, где бывала на всех съездах и митингах, виделась с Лениным, Троцким, Шаумяном. Последний дал мне делегатский билет на съезд.

Ленин лично просил секретаря «Бюро Главного Комитета» дать мне билет за № 1204 с совещательным голосом на фракционные заседания, происходившие в Смольном (этот билет сохранен у меня). По совету т. т. Ленина и Шаумяна я оставалась в партии «Гнчак», чтобы вести, как они говорили, пропаганду среди армян.

Из Петрограда я приехала на несколько дней в Баку, виделась с Шаумяном, которому привезла письмо от Ленина.

Затем я приехала в Грузию, где застала меня Октябрьская революция.

При меньшевиках я активно работала в Тифлисском Комитете Революционного Красного Креста. Часто заседания устраивались на нашей квартире на Бебутовской улице, где я жила с тов. Нушик.

Тогда же, при меньшевиках, я устроила побег коммунисту Конкошеву. Он был ранен в Душете, во время выступления, и находился на лечении в Арамянцевской больнице, откуда я и устроила ему побег. Несколько месяцев он скрывался у меня на квартире. Помогала заключенным товарищам-большевикам—Саше Гегечкори и др.

Что же касается партийных дел, то партия издавала тогда газету «Горцавор» большевистского направления, где помещались статьи антименьшевистского характера. Сотрудничая в этой газете, одновременно я усиленно агитировала за слияние партии с ВКП(б).

Наш ЦК, в состав которого я входила, поручил мне вести переговоры с тов. Кавтарадзе—бывшим в то время советником полпреда РСФСР в Грузии.

Последний поручил двум товарищам—Шахсуваряну и Нуцубидзе вести с нами переговоры, которые проходили на моей квартире. Пока этот вопрос стоял в стадии переговоров, мы вошли в состав смешанного комитета (большевики, левые эсеры), который готовил восстание и нападение на Дворец. Партия «Гнчак» образовала тогда при ЦК военный центр, представителем которого я на собрании гнчакистов была избрана единогласно (57 голосов при 1 воздержавшемся). Мы предоставили своим товарищам и оружие, но выступать не пришлось, ввиду изменившихся обстоятельств. За несколько дней

до советизации Грузии у меня был обыск, дом был окружен с целью арестовать меня, но я успела скрыться.

После советизации Грузии передо мною ясно стоял вопрос о будущем партии «Гнчак». Самостоятельная обособленная работа ее в советских республиках теряла свой разумный смысл.

Коммунистическая партия—единственная партия, объединяющая интересы трудящихся всего мира, единственная партия, которая разрешит все политические и социальные вопросы. В ее рядах, совместно с ней, должен работать каждый социалист, которому дороги интересы пролетариата. Пусть партия «Гнчак» когда-то своими путями, своими ошибками шла к общей цели, пусть она, худо ли, хорошо ли, внесла свою революционную лепту в движение отсталых народов Востока, но теперь ее существование не имеет более [смысла]. Теперь рабочие и трудящиеся, группирующиеся вокруг нее, должны поскорее перейти в ряды единственной всемирной армии борцов за социализм. В ее рядах они излечатся от налета тех националистических и мелкобуржуазных настроений, которые еще живы в партиях малых наций и выйдут на широкую дорогу Интернационала.

Кроме того, этот акт имеет большое политическое значение для зарубежных наших товарищей. В особенности это важно для Америки, где наша партия наиболее сильна и где она объединяет вокруг себя десятки тысяч рабочих от станка.

В партийных кругах образовалось два течения. Большинство считало необходимым созыв партийного съезда для решения вопроса о слиянии с РКП; другие, к которым примыкала я, считали что при разброшенности организаций «Гнчак» созыв съезда чрезвычайно затруднителен и даже неосуществим. Мы считали, что при создавшихся обстоятельствах ЦК может и должен принять решение и [нести] ответственность за него.

В то же время ЦК обратился в Коминтерн с Декларацией, в которой изложил свою точку зрения на деятельность партии «Гнчак» в изменившихся условиях.

Через некоторое время мы получили предложение прислать своего представителя для переговоров. Несмотря на то, что я категорически протестовала против поездки А. Бабова, вообще считая его недостаточно авторитетным и компетентным для представительства партии перед Коминтерном, последний, несмотря на мой письменный мотивированный протест (я была сильно больна и не могла лично говорить с ним), посланный в Тифлисский Комитет (копию лично ему), поехал в Москву.

Я принципиально была против его поездки, так как он ехал с намерением отстаивать идею самостоятельного существования партии и был против слияния. (Партия «Гнчак» легально существовала до 1924 г., до слияния с ВКП(б)).

К счастью, логика вещей оказалась сильнее его намерений, и он вынужден был склониться перед абсолютно правильной точкой зрения Коминтерна. Я лично была удовлетворена исходом дела, а Бабов попал в курьезное положение, фактически обманув своих единомышленников и согласившись на такие уступки, на которые он не был уполномочен. Особенно остро стоял вопрос о формах слияния. Большинство наших товарищей хотело механического вступления закавказских организаций партии по спискам ЦК. Первоначально вопрос получил благоприятное разрешение в Коминтерне, но проволочки, интриги, колебания, неискренность и желание фактически обособиться привели

к тому, что после двухлетнего затягивания с нашей стороны Коминтерн решил вопрос о вхождении членов партии «Гнчак» персонально.

Так стоял вопрос в конце 1924 г. и вновь начались колебания, проволочки старого ЦК, из которого я ушла еще в 1923 г.

Тогда было созвано общее собрание членов партии, которые, обсудив вопрос о шатаниях и медлительности ЦК, выбрали Временный исполнительный комитет. Старый ЦК продолжал свои интриги, стараясь дискредитировать Временный исполнительный комитет. В это время я была избрана председателем этого комитета и повела решительную борьбу с тенденциями старого ЦК. В результате исполнительный комитет созвал 16 ноября 1924 г. общее собрание членов партии под моим председательством, на котором присутствовал командированный ТК КПГ т. Вардапетян. Нами при помощи печати были вызваны на это собрание члены старого ЦК: А. Бабов, Ташир и Марсян для предоставления материального и морального отчета и дачи объяснений по поводу чинимых ими препятствий к слиянию, но они уклонились от ответов и не явились на собрание. Данное собрание постановило выступить с декларацией (опубликованной затем в закавказской прессе) о ликвидации партийных организаций на территории СССР и обращении ко всем иностранным комитетам партии. После этого Временный исполнительный комитет сдал ТК КПГ инвентарь и фактически ликвидировал организацию «Гнчак».

Закрайком вполне одобрил нашу позицию и предоставил нам льготы (сравнительно с членами других ликвидированных партий) по вступлению в партию, которые в особенности распространились на членов Исполнительного Комитета—всех нас приняли в действительные члены РКП без кандидатского стажа, с 3-мя рекомендациями.

Заканчивая мою автобиографию, я хочу указать, что если она вышла несколько длинной, то это объясняется тем, что моя жизнь тесно связана с историей партии «Гнчак», о которой короче написать трудно.

Январь 1925 г.

М. И. НАЗАРБЕК

Р. С. В целях всестороннего и беспристрастного освещения вопроса считаю долгом добавить, что тов. Ташир до самого последнего времени стоял на нашей позиции по вопросу о слиянии с ВКП и вместе с нами боролся против тенденции, поддерживаемой А. Бабовым и др. Лишь в конце он предпочел отойти от нас и примкнуть к большинству ЦК партии «Гнчак».

М. И. НАЗАРБЕК.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Высшие женские курсы*—высшие женские учебные заведения в дореволюционной России. Впервые были открыты в 1869 г. в Петербурге и Москве под влиянием революционного движения 60-ых годов. Выпускницы курсов получали право преподавать в женских средних учебных заведениях и младших классах мужских школ.

2. *Назарбек (Назарбемян) Аветис Вартанович (Леренц)* (1866—1939)—активный участник армянского национально-освободительного движения, один из основателей партии «Гнчак». Член ВКП(б) с 1934 г. Учился в университетах Петербурга и Парижа.

Участник собраний группы «Освобождение труда». Вместе с М. Назарбек в 1894 г. перевел и впервые издал на армянском языке «Манифест Коммунистической

партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Перевел и издал на армянском языке ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также Ф. Лассалья, П. Лафарга, Г. В. Плеханова и др. Являлся основателем и издателем газет, выражавших интересы армянского национально-освободительного движения. В годы революции 1905—1907 гг. и первой мировой войны в основном стоял на большевистских позициях. В 1923 г. переехал в США, где вступил в ряды коммунистической партии, основал армянскую секцию в компартии США. Будучи в США, активно участвовал в работе «Комитета помощи Армении». С 1934 г. жил в СССР.

3. «Социал-демократ» — речь идет о литературно-политическом обозрении, издававшемся в Лондоне и Женеве в 1890—1892 гг. группой «Освобождение труда».

4. *Ханазатян (Ханазат) Рубен (Карапетян Ншан)* (1862—1929) — один из основателей партии «Гнчак». Учился в Женевском университете. В 1889 г. основал партийный центр в Трапезунде. В 1890 г. принял руководящее участие в манифестации в Гум-Гапу. После IV съезда партии «Гнчак» (1905 г.) отошел от активной партийной работы.

5. *Кафян Габриел* (1860—1930) — деятель армянского национально-освободительного движения, один из основателей партии «Гнчак». Учился в Цюрихском университете. Был близок к группе «Освобождение труда». Будучи в Париже, вступил во II Интернационал. В Западной Армении и в Константинополе вел активную борьбу против султанского режима, являлся основателем партийных групп и организаций партии «Гнчак» в ряде городов Западной Армении. В 1890 г. — один из руководителей антисултанской манифестации в Гум-Гапу. За активную борьбу против султанского режима неоднократно подвергался репрессиям и арестам. Как русско-подданного турецкие власти передали его России, где решением суда был сослан на свободное поселение в Вологодскую губернию. Участник Февральской революции.

6. «Гнчак» («Колокол» — арм.) — общественно-политическая газета, центральный орган Социал-демократической гнчакской партии. Издавалась в 1887—1914 гг. в разных городах Европы и Америки. Газету редактировали А. Назарбек, М. Назарбек, Р. Ханазат, Г. Кафян, С. Овян и др.

7. *Большой Коринфский канал* был прорыт в 1881—1893 гг. через Коринфский перешеек (Греция), соединяющий Эгейское и Ионическое моря.

8. *Манифестация в Гум-Гапу* — имеется в виду демонстрация армян 15 июля 1890 г. (автором год указан ошибочно) в районе Константинополя Гум-Гапу, где расположено здание Константинопольского армянского патриархата. Демонстранты требовали от султанского правительства выполнения положений 61 статьи Берлинского трактата 1878 г. о проведении реформ в Западной Армении, прекращения бесчинств турецких властей в отношении армянского населения Западной Армении и в Османской империи. В результате столкновения с войсками среди участников демонстрации были убитые и раненые.

9. *Патриархат* — Константинопольский армянский патриархат — армянское церковное учреждение, основанное в 1461 г. Патриархат играл немалую роль в деле защиты интересов армянского населения Османской империи и, в частности, Западной Армении от антиармянской политики султанского правительства, проявлений мусульманского фанатизма.

После геноцида армян в Турции в 1915—1923 гг. влияние патриархата, ослабло. Деятельность патриархата в основном ограничивалась национально-духовной и культурно-просветительской сферами.

10. *Зейтунское восстание* — имеется в виду восстание в Зейтуне (Турция) в 1895—1896 гг. В октябре 1895 г. восставшие армяне города Зейтуна разоружили местный турецкий гарнизон и организовали самооборону. В течение нескольких месяцев шесть тысяч зейтунов самоотверженно отражали атаки 60-тысячной турецкой армии, пытавшейся овладеть цитаделью восставших — городом Зейтуном. В январе 1896 г. турецкие власти были вынуждены согласиться на вывод своих войск из пределов

уезда, объявить амнистию. В уезде был назначен управляющий-христианин, население на пять лет было освобождено от налогов.

11. *«Гахалар»* («Идея»—арм.)—журнал, издававшийся в 1894 г. в Афинах, затем в Лондоне. Основан А. Назарбеком и М. Назарбек. В журнале помещались статьи, пропагандирующие идеи социализма, по национальному вопросу, также литературные статьи.

В 1894 г. на страницах журнала впервые на армянском языке был опубликован в переводе А. Назарбека и М. Назарбек «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Журнал систематически публиковал труды Г. В. Плеханова, лидеров западноевропейской социал-демократии.

12 *«Алтак»* («Пощечина»—арм.)—политический сатирический журнал партии «Гичак», основанный А. Назарбеком и М. Назарбек. Издавался в 1894—1897 гг. в Афинах и Лондоне.

Журнал остро высмеивал определенные слои армянского общества, равнодушные относившиеся к армянскому национально-освободительному движению, направленному против султанского деспотизма.

13. *Дикштейн Шимон* (1858—1884)—участник польского революционного движения. Будучи в эмиграции, в 1881 г. издал на польском языке книгу под названием «Кто чем живет», где популярно изложил теорию прибавочной стоимости К. Маркса.

14. *Теодор Герцль*—еврейский националистический деятель, который прилагал немалые усилия для того, чтобы использовать Армянский вопрос в Турции для достижения политических целей сионистских националистов.